

ОТРАЖЕНИЕ ЭТНОВИТАЛЬНОСТИ И МУЛЬТИКУЛЬТУРНОСТИ В СУДЬБЕ И ТВОРЧЕСТВЕ Ю. И. КРАШЕВСКОГО

МАРИЯ ЖИГАЛОВА

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина

... наследие великого поэта принадлежит
всем славянским народам, всей
Европе, всей земной цивилизации
(А.Мальдис. „Гении не делятся“,
Советская Белоруссия, 23.12.2008)

Брестско-Подляское Пограничье – удивительный край, где в разные исторические периоды земли принадлежали то Польше, то России, то Украине. Пограничье, по мнению И. Бобкова, это „пространство, прилегающее к границе, соединённое и связанное границей, пространство, для которого именно граница является организацией, принципом и центром притяжения“ (Бобков 2005: 133). Следует подчеркнуть, что сегодня полиэтничность региона способствует „смягчению“ отношений между людьми различных национальностей и вместе с тем развитию культуры всех этнических сообществ.

В равновесном состоянии здесь находится „свое“ и „чужое“. Оно не обладает экстремальностью. „Свое“ выступает как патриотизм, а „чужое“ – как интернационализм. Между представителями разных этносов имеется весьма широкая шкала, на которой откладываются их реальные чувства и помыслы. Такое равновесие наиболее оптимально для региона, ибо свидетельствует об историческом здоровье, о способности этнических поляков, русских, белорусов, украинцев устанавливать и укреплять нормальные межэтнические связи. В свое время Юзеф Обрембский, рассматривая этнические проблемы Полесья, писал: „О том, какой нацией являются жители Полесья, определяют не те или иные языковые или этнографические характеристики, но, прежде всего, явления национальной жизни... их национальное сознание“ (Обрембский 1936: 2).

Нас же будет интересовать лишь литературоведческая сторона этого многонационального региона, который богат такими именами художников слова, чьи судьбы в силу разных жизненных обстоятельств, креативно соединили в себе многие культуры.

Одним из таких художников слова является и Ю. Крашевский⁴⁸, чьи произведения были написаны о Брестско-Подляском Пограничье (о Пружанщине, в частности),

⁴⁸ Используются книги на польском языке: *Igliwia smak. Antologia wierszy o Podlasiu*. Romanów – Międzyrzec Podlaski – Biała Podlaska, 2001; A. Czobodzińska-Przybysławska, H. Kostka-Chybowska. *Na marginesie twórczości*

которые сегодня успешно переведены на многие языки мира, в том числе и на русский. Мы обратимся лишь к отдельным фрагментам жизни и творчества Ю. Крашевского, чтобы только прикоснуться к проблеме отражения этновитальности и мультикультурности в его судьбе и творчестве, и проанализировать некоторые переводы на русский язык произведений, написанных в нынешней Беларуси, которые в литературных исследованиях Беларуси практически не рассматривались.

В них мы попытались выявить отношение поэта не только к этнической культуре, но и к культурам других народностей, подчеркнуть национально-особенное и общечеловеческое. Мы учитывали при этом, что наследие всякого великого поэта „принадлежит всем славянским народам, всей Европе, всей земной цивилизации” (Мальдис 2008), что „гении не делятся”.

Обратимся лишь к фрагментам его творчества, ибо как сказал известный варшавский журналист Антоний Трепинский в своей книге „Юзеф Игнаций Крашевский”, посвящённой творчеству поэта: „Крашевский оставил наследие, размеров которого никто в целом до сих пор не оценил. „Отец польской библиографии”, Кароль Эстрайхер, при двукратном подсчёте названий произведений писателя, на которые опирается энциклопедическая информация, подаёт в первом случае (1879), что Крашевский написал или издал отдельно 346 произведений в шестистах томах, а во втором (1887) – что произведений было 312, а томов 630” (Трепинский 1975). Добавим, однако, что объём этот увеличивают не учитываемые многочисленные публикации в журналах и несколько десятков тысяч писем и литературной корреспонденции. К этому прибавим сборники, начиная с „Атеней”, где произведения, написанные им самим, насчитывают до 120 тысяч страниц... Обработанная в последние годы в Институте литературных исследований ПАН обширная библиография Крашевского носит скромное название „Библиографический очерк Ю. И. Крашевского” (Ступкевич 1966). В предисловии авторы утверждают, что „полная библиография творчества едва ли не самого плодовитого в мире писателя останется на долгое, очень долгое время пожеланием и мечтой, если не вообще утопией”.

Известно, что поэт родился 28 июля 1812 года в Варшаве, а детские годы провёл в д. Долгое, что недалеко от г. Пружан (ныне Беларусь, Брестский район), в имении своих родителей. Попытка проанализировать жизненные и творческие связи Ю. И. Крашевского с Беларусью была сделана двадцать с лишним лет назад историком Геннадием Кохановским в его статье „Беларусь – яго калыска” (Кохановский 1987), в которой он даёт некоторые биографические данные. Он называет такие произведения, как „Пинск и его окрестности”, „Воспоминания о Полесье, Волыни и Литве”, „Картины жизни и путешествий”.

Важно подчеркнуть и то, что в статье Г. Кохановский упоминает и периодический сборник „Атеней”, который выпускался Ю. Крашевским в течение десяти лет в Вильно и посвящался проблемам истории и культуры, общественно-политической жизни земель, что составляли некогда Великое княжество Литовское. Здесь печатались материалы и художественные произведения, велась полемика с реакционными взглядами деятелей „Западного края”. Здесь было напечатано и произведение самого Ю. Крашевского

literackiej. Malarskie pasje Józefa Ignacego Kraszewskiego. Muzeum J. I. Kraszewskiego w Romanowie, 2007; Bibliografia literatury polskiej „Nowy Korbut”. Tom 12. Józef Ignacy Kraszewski. Zarys bibliograficzny. Kraków, 1967.

„История Савки”, фольклорно-этнографические материалы, такие, как: „Народные песни, сабраныя на Піншчыне” Р. Зянькевіча, „Матэрыялы да статыстыкі і этнаграфіі Гродзенскай губерніі” Ю. Ярашэвіча. Вот что пишет Г. Кохановский о Ю. Крашевском: „Крашэўскі заўжды знаходзіўся ў гушчыні падзей і ў асяроддзі сяброў – пісьменнікаў і вучоных, з якіх нямала было выхадцаў з Беларусі. Менавіта яго навуковая дзейнасць у кантэксце развіцця беларускай рэальнасці можа і павінна стаць тэмай асобнага даследавання... Крашэўскі зацікаўлена вывучаў і беларускую старажытнасць. Ён першы на мясцовым матэрыяле пацвердзіў правамернасць тэорыі дацкага археолага К. Томсена “о трёх эпохах”: каменю, бронзы, жалеза. Яго самае галоўнае адкрыццё – плаўнасць пераходу з адной эпохі ў другую... Археалогію, этнаграфію, фальклор Крашэўскі ўмеў сапаставіць і спалучыць дзеля вырашэння найважнейшай праблемы – паходжання славян. Зноў жа ён першы выказаў гіпотэзу, што славяне прыйшлі з захаду пад узмоцненым, нямірным націскам кельтаў. Цэлае стагоддзе яна, бадай, нікім не паўтаралася. Усе схіляліся да думкі, што ў этнагенезе славян адбывалася міграцыя плямёнаў з поўдня. І вось сучасныя вучоныя В.В. Сядоў, М.А.Ціхамірава на аснове найноўшых звестак робяць вывады, блізкія да гіпотэзы Крашэўскага”.

Многое сделано и в истории издательской деятельности благодаря Ю. Крашевскому. Он поддерживал исследования учёными памятников материальной и духовной культуры. Так, книга К. Тышкевича „Вілія і яе берагі” была издана на средства Ю. Крашевского. Нельзя обойти вниманием и тот факт, что многие белорусские учёные – народovedы, такие, как: Р. Зянькевіч, А. Кіркор, А. Рыпінскі, Я. Тышкевіч, У. Сыракомля і др., были подвержены влиянию личности и творчества Ю. Крашевского. Да и польские писатели: Э. Ажешко, М. Радевич, А. Плуг и др., чья жизнь была тесно связана с Беларусью, продолжали исследовать белорусистику. Что касается поэзии Ю. И. Крашевского, то до последнего времени она оставалась совершенно неизвестной белорусскому читателю, и только два стихотворения были переведены Я. Купалой на белорусский язык. Это „Дзед і баба”, „К***”, а также напечатанный в газете „Наша доля” перевод стихотворения „Пан і мужык” неизвестного автора, который обозначен под псевдонимом „Будзіцель”.

Наше обращение в творчестве учёного-титана, культурного и общественного деятеля – свидетельство актуальности его заслуг перед белорусской культурой, о которой он так заботился и которую ценил. Так, сборник Ю. Крашевского „Дары пилигрима” включает раздел „Над Нёманом, над Вилией...”. В него входит стихотворение „Деревня”, посвящённое Полесью, которое поэт называет „милым краем”, а деревню в милом крае „родимым уголком”, вскормившим и взрастившим лирического героя. Деревня ассоциируется у него с „седой матерью”, которая благословит своё дитя на добрые дела, провожая в самостоятельную жизнь, в „мир чуждый”, где „закрутит меня злой вихрь”.

Вот что вспоминает брат поэта Каетан Крашевский: „Долгое было настоящей небольшой типичной усадьбой зажиточного шляхтича, ...с отборными лугами, окружающими поля и усадьбу... Двор первый – большой, с хозяйственными постройками на нём, другой, меньший, – у дома, тут же парк и озеро, длинные каналы для осушения местности, домик небольшой, но мы в нём мило целой компанией помещались... **Наше любимое Долгое**, хотя это уголок малый, было всегда оживлённым, во время каникул или праздников в течение года очень часто вся наша компания там собиралась... Юзеф часто читал вслух

свои произведения, играл на фортепьяно и рисовал в основном пером, воодушевление в нём и жизнелюбие были невероятные; по его примеру Люциан также рисовал, я начал учиться музыке и немного рисовать“ (Гусева 2009а: 91–92).

О том, что Ю. Крашевский не чужой человек белорусам, и жителям Брестско-Подлясского Пограничья, в частности, говорит хотя бы то, что на торцевой стене одного из домов, стоящих сегодня вокруг главной площади города Пружаны (Брестский район), висят три огромных портрета знаменитых личностей, прославивших когда-то нынешний Пружанский район. И на одном из этих портретов изображён Юзеф Игнаций Крашевский, судьбой которого имеют право гордиться пружанцы. Заметим, что на территории современной Брестчины „около полутора веков проживала не только многодетная семья Яна и Софьи Крашевских и их потомки, но и их многочисленные родственники. Родственниками Крашевских по материнской линии были и первоначальные владельцы нынешнего музея-усадьбы „Пружанскі палацык“⁴⁹ Валентий и Герминия Швыковские. Многие документы, хранящиеся в архивах Беларуси, ещё ждут своих исследователей. А пока же научно обоснованные сведения о Долгом Крашевских и связях самого Юзефа Игнация с родительским гнездом и Беларусью полностью отсутствуют в исследованиях даже польских учёных“ (Гусева 2009b: 110)

Имеющиеся биографические данные свидетельствуют о том, что с 1826 по 1829 годы Ю. И. Крашевский учился в Бялой Подляске, затем в воеводской школе в Люблине (ныне Польша) и Свислочской гимназии (ныне Беларусь). В 1829 году поступил на медицинский факультет Виленского университета (ныне Литва), но затем перешёл на литературный факультет, потому что литература его манила с детства.

За причастность к противоправительственным кружкам в 1830 году был арестован и до 1832 года находился в тюремном госпитале. После освобождения под надзором полиции жил в Вильне в арендованных или собственных поместьях на Волыни и Полесье. О философии жизни, духовной силе и слабости, о человеческой трусости и смелости рассуждает поэт в стихотворении „Часто...“ и „Во что верю?“ (Гусева 2010а: 146):

*Часто слов не хватает, если переполняют
Душу мысли и чувства, что пожаром пылают.
Но молчание многое – судьи! – скрывает,
Даже если хлад смерти уста замыкает.
В нём под пеплом невидимый пламень таится,
Затухая, он гаснет и... снова искрится!
Когда ж в бедную душу заглянуть попытаешься –
На губах умирает её слово пылающее.
Счастлив тот, кто владеет речистостью тою,
Что, как служба послушный, всегда наготове,
Говорит он, как дышит, свободно, легко,
И слова, словно птицы, парят высоко...*

⁴⁹ Благодаря подаренной романовским музеем Ю. И. Крашевского коллекции экспонатов, в музее-усадьбе уже несколько лет существует отдельный зал с экспозицией, полностью посвящённой Крашевским.

*Но тех больше, что чувства большие скрывают –
 На ключ душу закроют и губы сжимают,
 Замолкают, невзирая на слёзы, отчаянье –
 Пожалеет всем сердцем их участь печальную.*

/11 декабря 1851/

Уже с первых строк чувствуется грусть и горечь оттого, что человек не всегда может поделиться с другими своим сокровенным, боясь быть неправильно понятым. Мир не прощает человеку откровения, которым при случае могут легко воспользоваться окружающие как оружием против самого же говорящего. Поэтому вопрос открытости и искренности общения, умения владеть словом, наконец, вопрос о силе и слабости духа и влиянии всего этого на судьбу человека, которые ставит Ю. И. Крашевский, – остаются загадкой для читателя любой национальности и в XXI веке.

Обратим внимание и на дату написания стихотворения, на те обстоятельства жизни, которые позволили ему условно быть свободным, на самом же деле, так и не почувствовать свободы. Находясь под постоянным надзором полиции, он вынужден был переезжать с места на место. И потому ему неведомы покой, размеренная жизнь, домашний уют. В его жизни мелькают многочисленные арендованные поместья на Волыни и Полесье. Он – ярый противник всякого гнёта, борец за право своего народа быть свободным. И, как истинный сын своей земли, испытывает страшные мучения оттого, что вынужден молчать. Поэтому невозможно даже представить, какого труда стоило ему это „насильственное молчание“. Может быть, поэтому и появляется такое необычное по настроению стихотворение. Грусть, горечь и сожаление придают ему совершенно иную окраску, выделяя тем самым его из рядов многочисленных тематических стихов. Разделяя своё произведение на два голоса, автор в подтексте обозначил и свой, третий. Его лирический герой – мудрый наблюдатель, который не обличает и не судит, а просто, кажется, безотносительно констатирует, нивелируя между двумя полюсами.

Тема – в заглавии, которое становится неким символом. А многоточие, которое неслучайно используется в конце заглавия, лишь подчёркивает незавершённость суждений, некую недосказанность, открытость, уступая место читательскому домысливанию. „Часто...“ содержит в себе бездну содержательных компонентов, где каждая буква может быть наполнена конкретным смыслом:

Ч – честь,
А – альтруизм,
С – совесть,
Т – трудолюбие,
О – ответственность.

Как часто люди поступаются ими в обмен на что-то более выгодное! Первая и последняя строки стихотворения помогают осознать всю горечь несовершенства человеческих отношений, когда всё чистое, светлое, идущее от сердца, приходится сдерживать, замалчивать в угоду обстоятельствам. И как бывают несчастны те, кто считает правильным следовать такому правилу неотступно.

Ключевые слова („переполняют“, „душу мысли и чувства“, „но молчанье уста замыкает“, „пламень тaitся“, „гаснет“, „снова искрится“, „слово пылающее“, „счастлив тот, кто говорит“, „замолкают“, „пожалеем за участь печальную“) помогают сформулировать основную тему: выбор и ответственность человека за содеянное. И идея – извечный вопрос о душевной отваге и робости, о всемогущей силе слова, о молчаливой работе мысли, о заведомом подавлении в себе высоких начал, о сострадании.

Лирический герой Ю. Крашевского предстаёт перед читателем в один из сложных моментов своей жизни. Он одинок, подавлен, далёк от гармонии с самим собой и окружающим миром. Динамику чувств лирического героя поэт чётко обозначил в каждой строфе.

Так в первой – автор с грустью сообщает о том, что у лирического героя „часто слов не хватает“, чтобы выразить „мысли и чувства, что пожаром пылают“. Он сожалеет, что не может озвучить свою мысль, вынести её на суд толпы и тем самым облегчить душу.

Во второй строфе лирический герой пускается в пространные размышления о силе правды. И слово, как средство её выражения, представляется как «невидимый пламень», который не сможет сдерживать даже „хлад смерти“.

В третьей строфе лирический герой по-доброму завидует тому, кто может полёт мысли заключить в блистательные фразы. Ведь именно в таких случаях „слова, словно птицы, парят высоко“. Правда, дела могут быть другими... Вместе с тем лирический герой понимает, что доверять таким людям что-то сокровенное и важное чрезвычайно опасно.

И, наконец, в четвёртой строфе лирический герой огорчается и констатирует, что в мире „тех больше, что чувства большие скрывают“ и по разным причинам их не демонстрируют. Их молчание – это постоянная работа мысли, саморефлексия, труд души. Замкнутость – их основное качество. Но автор не упрекает и не обличает, он их только жалеет, потому что понимает, в какие суровые рамки жизни они загнаны. Грустный призыв: „Пожалеем всем сердцем их за участь печальную“ лишь подтверждает сказанное.

Лирический герой философски подходит к вопросам бытия: он понимает, что у него нет ни сил, ни возможности изменить мир, но есть слово и благородная душа, способная с должным пониманием относиться к любому человеческому выбору.

В стихотворении автор активно использует такие тропы, как: метафора („бедная душа“, „участь печальная“), метонимия („слова горят“, „молчание скрывает“), метонимические перифразы („хлад смерти уста замыкает“, „на ключ душу закроют“), сравнения со стёртой образностью („говорит он, как дышит“, „слова, словно птицы“), индивидуально-авторские сравнения („как служка послушный“).

Образ „слово“ выступает в стихотворении своего рода аллегорией. Всякий символ – это образ, а всякий образ символичен. Поэтому в стихотворении можно обозначить такие образы-символы, как: „Слово“ (как символ вечности), „Душа“ (как символ жизни человеческой), „Мысль“ (как символ внутреннего мира человека), „Невидимый пламень“ (как символ творчества; великой силы, спящей до поры до времени), „Участь печальная“ (как символ несчастной Судьбы, загубленной жизни).

Таким образом, рассуждая о многоликости жизненного выбора, Ю. Крашевский даёт читателю понять, что мы все разные: кто-то речист и смел, кто-то горяч сердцем, но молчалив, кто-то тих и робок. И потому тех, „что чувства большие скрывают – /На

ключ душу закроют и губы сжимают, / Замолкают, невзирая на слёзы, отчаянье“, автор призывает пожалеть: „Пожалеем всем сердцем их участь печальную“. Такой выбор делает лирический герой. В жизни выбор был сделан не только лирическим героем стихотворения, но и самим Ю. И. Крашевским. Поэт верит в то, что любой выбор всё равно предопределён, ибо все судьбы людские „берут начало во Вселенной“. Об этом его стихотворение „Во что верю?“:

*Верую в то, что высоко и свято,
В верную дружбу, в любовь без измены;
В непостижимое разумом и необъятное –
В то, что начало берёт во вселенной
И не закончится в мире этом.
Верю в луч вдохновенья, ниспосланный свыше поэту,
Каждой клеточкой сердца, всей силой желанья;
Верую в бесконечность существования,
Во всё, без чего душа человека прожить не может,
О чём мечтаем, когда тоска сердце гложет.*

*И в две руки, что сплелись в порыве восторга,
В два любящих сердца, пылающих на вершинах.
Ведь даже если союз ладоней будет расторгнут,
Любовь в сердцах останется нерушимой.
/Одесса, 1852/*

Волею судьбы Ю. Крашевскому пришлось познать разные народы и культуры. В 1853 году Ю. Крашевский обосновался в Житомире. В это же время он становится действительным членом Виленской археологической коллегии. В 1858 году путешествует по Франции, Италии и Германии. С 1860 года живёт в Варшаве. В январе 1863 года за несколько дней до восстания по приказу начальника гражданского управления маркиза Велепольского, подозрительно относившегося к деятельности писателя, Ю. И. Крашевский вынужден был навсегда покинуть Королевство Польское и поселиться в Дрездене. Хотя накануне восстания Крашевский не верил в его успех и ратовал за „бескровное“ освобождение Польши, тем не менее, когда оно разразилось, он начал горячо поддерживать его в своих литературных произведениях.

Некоторое время жил в Дрездене, где вёл разведывательную деятельность в пользу Франции против Пруссии, за что и был арестован в 1883 году. После суда в 1884 году в Лейпциге был приговорён к 1,5 годам заключения в Магдебурге. Свои мысли и чувства он выразил в стихотворении „Псалом“, написанном в 1884–1885 гг.:

*Из глухой тишины, из грязного логова
Мысленно обращаюсь к Богу я:
Боже, за что так унизил грешного,
Толпе отдав меня на посмешище?*

Телесная немощь мой дух угнетает,
 Мольбы до Всевышнего не долетают!
 Я грешен, я знаю, о Господи...Ныне
 Грехи меня тяжкие в землю вдавили.
 Но ты всемогущ и простишь мои вины,
 И я оживу, полумёртвый, – не сгину.
 Лишь кожа да кости остались – смотри –
 Ни стонов, ни слёз – сожжено всё внутри,
 Взываю, о Господи, утром и ночью –
 О, сжался, яви свою Милость воочию!
 Исчезли все те, что друзьями казались,
 Сердцами и духом разом нищими стали,
 А враг всё глумиться и свирепеет –
 О, Боже, пришли свою помощь скорее!
 /Магдебург, 1884-1885/

После освобождения из тюрьмы Ю. Крашевский выехал в Швейцарию, где провёл последние годы жизни. Похоронен в Кракове.

Сегодня известно, что первый двухтомный сборник „Поэзии“ Крашевского был издан в 1838 году в Вильно и через пять лет переиздан в Варшаве. Следующий томик стихов появился почти через двадцать лет в Париже (1857). Это были „Гимны скорби“, переведённые на французский и немецкий языки, позже (1879) переизданы в Кракове. В перерыве между этими сборниками появляется эпическая историческая поэзия Крашевского, в основе которой лежали легендарные события истории Литвы. Увенчивает её историческая трилогия „Анафеляс“ (1840–1845 гг.).

Ю. Крашевский был убеждён, что творческое вдохновение приходит свыше, и только поэтическая душа „может переводить“ посланные свыше мысли, то есть с языка небесного на язык земной. Поэтому к интерпретации произведений исследователями-литературоведами и читателями поэт относился по-философски мудро: „Заслуживает внимания та мысль, что при исследовании поэтических произведений, художественных сочинений, всего того, что является плодом созидания человеческого духа, никогда невозможно разграничить то, что автор вложил туда сознательно, по своей доброй воле, а что родилось независимо от него, в порыве творческого вдохновения... (...) в минуты творчества поэт вовсе не отдавал себе отчёта в том, что ему подарило вдохновенье. Унесённый им, он был не властен над собой. То высочайшее, что мы обнаруживаем в произведениях человеческих, родилось в них не по расчёту и в результате обдумывания, а благодаря дуновению свыше, неожиданно. Такая мысль может показаться унижительной, но это чистая правда. Творчество остаётся тайной даже для тех, кто для него рождён“ (Гусева 2009а: 116).

В 2009 году к 200-летию со дня рождения Ю. Крашевского в брестском издательстве вышел сборник поэзии и прозы „К Крашевскому в Романов и Долгое“, посвящённый родным местам знаменитого писателя: Долгому на Пружанщине и Романову на польском Подлясье (Гусева 2009а, 159 стр.). В книгу вошли переводы фрагментов воспоминаний писателя о годах его детства и молодости. Есть здесь и поэтический раздел, посвящённый

музею писателя в Романове – „В Романове поэзия живёт“. Впервые переведённые на русский язык стихотворения Ю. Крашевского („К вам, друзья, всей душой“, „Падает снег“, „Ангел смерти“, „На смерть Яна Чечота“, „Люди схожи с фруктами, когда созревают“, „К***“, „Сидит у дороги первый“, фрагменты из „Витолорауды“) есть и в книге Р. Гусевой «Третья попытка» (Гусева 2010b).

В стихотворении „Родина, Польша моя ...“ (Крашевский 2010: 91), которое входит в одноимённый раздел книги Ю. Крашевского „Дары пилигрима“, автор утверждает величие и нелёгкую судьбу Польши, дорогого ему отечества. Образ Польши явно персонифицирован. Она – „на кресте распята“, „статуя, вытесанная дланью божьей“, „мученица“, „святая“, „вокруг чела сиянье разлито“. И несмотря на то, что она „истёрзана“, „распята“, „осквернённая“, „оболганная“, она всё равно остаётся для лирического героя Ю. Крашевского „родная“ и „святая“:

*Родина, Польша моя, муки твои святы,
За свои ль, за чужие грехи ты на кресте распята –
Словно статуя ты, вытесанная дланью божьей,
Которую из-под земли выкапывают осторожно.
Варваром осквернённая и плесенью покрыта,
Ещё хранит отпечаток руки творца вдохновенного...
Ещё вокруг её чела сиянье разлито...
Дрожит без меча рука от усилия неимоверного...
Имя Твое – проступок в устах детей твоих ныне,
Любовь Твоя – преступление,
а память о твоей доле
В катакомбах, запретная, над могилами стынет,
Ибо даже на них сейчас кандалы неволи!
Из-за врага и сына испившая муку до дна –
Мученица! Истёрзанная, оболганная...Родная!
Болью великой Твоя искупилась вина –
Распята на кресте – Ты сегодня святая!*
/1863?/

Живя на чужбине, писатель не порывал связи с родиной, внимательно следил за событиями в Польше, вёл оживлённую переписку с соотечественниками, сотрудничал в журналах под псевдонимом Богдана Болеславиты, делал ежегодные обзоры польской литературы, писал романы на темы из современной жизни. Но, не имея возможности наблюдать непосредственно жизнь родины, он всё реже и реже обращается к современной тематике и углубляется в прошлое Польши, рассуждает о смысле человеческой жизни.

О любви как о великой ответственности человека за судьбу того, кого любишь, о любви как постоянной работе души написано стихотворение Ю. Крашевского „Два слова“ (Гусева 2010а: 148–149):

На всех наречьях и на языке души
 Роднят всех нас два слова.
 Они, как в засуху капли росы.
 В них смысл сокровенный живого

Как в океане жизни две жемчужинки,
 Как звёздочки две в небе.
 Нам от рожденья светят, нужные,
 Два слова:

– *Kocham siebie*
 Бог, сотворив человека,
 Хотел увенчать его в небе,
 Бессмертное открылось сверху веко.

Взглянул и рек:
 – *Kocham siebie*
 С тех пор на земле тот счастлив,
 Так счастлив, словно в небе,
 Кто сказал те слова прекрасные:

– *Kocham siebie*
 Но счастливее в тысячу раз,
 Кто услышал, как перифраз,
 С милых губ, словно с неба:

– *Kocham siebie*
 Наисчастливейший, кто говорил, повторял и слышал,
 Звук этих слов навеки душа сохранит,
 Воспоминание о них страданье утешит
 И в смертный час утром в небе зарёй заблестит.

Счастлив, кто – *Kocham siebie* – слышал от матери милой,
 Кого седовласый отец благословил.
 Кто верную дружбу познал, кто из уст любимой –
Kocham siebie! – услышал, не зря он на свете жил!

Счастливый! Когда мир стеною встал между ними,
 Ломая её, поднимались, чтоб встретиться в небе,
 Лучшие не жить, чем жить порознь любимым,
 Мир, покидая навек, услышать:

– *Kocham siebie*
 Ты же, кто скуп был на слёзы, порывы благие,
 Кому – *Kocham* – никто никогда не сказал,
 Пусть даже все наслажденья изведал земные,
 Но без любви ты и тени счастья не знал.

Ибо нет на земле и в небе
 Таких, как эти два слова,

Музыкой сфер звучит снова:

– Kocham siebie

/Долгое, 1834/

Стихотворение написано Ю. Крашевским в то нелёгкое время (1830–1849), когда большая часть Беларуси после третьего раздела Речи Посполитой, входила в состав Российской империи. После подавления восстания 1830–1831 гг., целью которого было восстановление Речи Посполитой в границах 1772 года, Виленский университет стал центром возникновения и деятельности нескольких тайных обществ (филоматов и филаретов). В обществе филоматов изучали истоки белорусской культуры и истории, белорусский язык, традиции и фольклор. Поступивший в 1829 году в Виленский университет, Ю. Крашевский оказался в гуще событий и был арестован в декабре 1830 года за причастность к деятельности противоправительственных обществ. После заключения в тюрьму и пребывания в военном госпитале до марта 1832 года, он был освобождён и сначала проживал под надзором в Вильно, а затем на арендованных или собственных поместьях на Полесье (д. Долгое на Пружанщине) и Волыни. Что же вложил автор в эти два слова „Kocham siebie“ (в переводе с польск.: „Люблю тебя“)? От каких слов билось и трепетало его сердце?

Уже в первых строках стихотворения автор делает акцент на то, что самые главные в жизни слова звучат похоже на всех языках мира, потому что произносятся не голосом, а сердцем „на языке души“. В последних строках автор подчёркивает красоту этих слов, как будто это не слова, а настоящая музыка, мелодия души, которую по-настоящему услышать можно только сердцем.

Ключевые слова („на языке души“, „два слова“, „смысл живого“, „в океане жизни“, „от рожденья светят“, „Бог хотел увенчать“, „рек“, „тот счастлив, кто сказал“, „но счастливее, кто услышал“, „наисчастливейший, кто говорил, повторял и слышал“, „кто слышал от матери“, „кого отец благословил“, „кто дружбу познал“, „кто скуп был на слёзы, кому никто никогда не сказал, без любви счастья не знал“) помогают сформулировать тему стихотворения: любовь во всех её проявлениях – основа жизни. Ведь невозможно свести в одну плоскость любовь к ребёнку и к Родине, любовь к отцу и матери и любимому мужчине (женщине). Любовь к другу и великая и вечная любовь к Богу. Не познав всего этого, человек, пресытившись гипертрофированными чувствами в прошлом, оставляет в сегодняшнем лишь их тень, смутное напоминание в настоящем. Соответственно исчезает и столь ярко обозначенная в прошлом цель существования. Не потому ли всё нарастающий сегодняшний ритм жизни, увеличивает её скорость так, что мы боимся понять, что мы движемся в пустоту, ибо без души нет любви, а жизнь теряет всякий смысл. Какое место ей должен отводить человек? Кажется, на этот вопрос отвечает лирический герой Ю. Крашевского. Частое, и главное, акцентированное употребление глаголов („роднят“, „светят“, „сказал“, „услышал“, „повторил“) говорит о динамичности, подвижности, живости самого чувства. И, действительно, любовь не бывает статичной. В связи с этим экспрессивен и ритм стихотворения: от напористо речитативного ямба первой строфы он с каждой строфой всё усложняется, и кажется, что лёгкая мелодия влюблённости переходит в целую симфонию настоящего чувства. Любовь и всё, что с ней связано – это всегда

что-то личное. И с помощью частого употребления личных местоимений, либо слов, близких к ним по смыслу в контексте данного стихотворения, автор словно приоткрывает нам завесу сокровенной тайны лирического героя.

Образ лирического героя в стихотворении достаточно размыт, однако мы видим, что от легкого намёка в первой строфе, автор постепенно переходит к уверенному „Kocham siebie“. И это признание в любви на польском языке – в первую очередь отношение к людям всех наречий, к жизни и миру, к Богу и любовь Всевышнего к человеку. Однако счастливым, по мнению автора, можно назвать того, кто сам хоть однажды изрёк это слово, или услышал его от другого. И happiest поэтом называет того, кто „говорил“, „слышал“ и „повторял“ звук этих слов. И всё же важно, когда в этой жизни тебя любят не только мать и отец, друзья и верная подруга, но и окружающие тебя люди. Потому слово „люблю“ является лейтмотивом стихотворения, его рефреном. Им завершается каждая строфа. Не забывает автор и о божественной стороне любви, напоминая читателю, что это чувство даровано нам свыше, говоря в третьей строфе уже устами Бога. Три последующие строфы повествуют о счастливой любви, то есть чувстве, обретшем взаимность. Седьмая строфа – воплощение самой чистой и самоотверженной, бескорыстной любви – родительской и дружеской, вкупе с верностью, без которой любовь становится пошлостью. Именно ей резко противопоставлена она в предпоследней строфе. Здесь лирический герой, поэтапно показавший нам до этого все аспекты любви, подводит читателя к кульминации своих суждений – противопоставлению чувства как такового и неспособности любить. Жизнь человека, лишённая эмоций, скучна и бессмысленна. Любовь на земле не заканчивается, она имеет своё продолжение и на небе. А там она уже, по выражению поэта, – „музыка сфер“.

О двух родинах Ю. Крашевского – Долгом (Беларусь) и Романове (Польша) – говорит стихотворение Р. Гусевой „Долгое и Романов“ (Гусева 2010b: 143)⁵⁰:

*Долгое и Романов связаны по судьбе
Именем человека просто невероятного.
Хотя о нём, мой читатель, мало известно тебе.
Много ещё в истории для нас непонятного.*

*В Долгом на месте усадьбы – буйное разнотравье.
В Романове светлой памятью каждый твой шаг пронизан.
И, даже если кому-то это совсем не нравится,
Дорого сердцу Долгое, душе же Романов близок.*

*Душа в познании истины – здесь есть ей на что опереться:
Книги, картины, стены, памятью укрепленные.
Правда, Долгое – родина. Родина скажет сердцу
Главное, молча, одними своими лугами зелёными.*

⁵⁰ Руслана Гусева – поэт, в прошлом брестский журналист, исследующий историю и культуру белорусско-польского пограничья. Публикуется в периодических изданиях. Сборник поэзии и прозы „Моя пора“ выражает ретроспективный взгляд автора на главные жизненные ценности.

*Тот человек был сложен, сложен непостижимо.
В разные времена жил, по разным странам скитался.
Не подчиняясь правилам, творил он неудержимо,
И множеством сочинений на книжных полках остался.*

*Но рушатся государства, оставив одни обломки.
Так уж устроен мир наш – он немного ценит.
И то, что было завещано, редко читают потомки.
Бродят в стенах музеев героев бледные тени.*

*И всё же тянусь душою я в этот мир, Романов.
Мир, оставленный в прошлом, существующий для немногих.
Будем смотреть на вещи просто и без обмана –
Тщетны людские усилия, в прошлое нет дороги.*

*Старый Куплин и Долгое мы отыскали летом.
Закрытые файлы в компьютере друзья для меня открыли.
Так почему ты, Романов, мне всё же снился при этом?
Я видела себя аистом, птицей с белыми крыльями.*

Здесь, в Долгом, сами стены „памятью укрепленные“, указывают душе истину своими „лугами зелёными“, одним своим молчанием, которое скажет больше, чем слова. А в Романове, где по-прежнему, „поэзия живёт“ оставлены на книжных полках множество сочинений Ю. Крашевского, человека невероятной судьбы, который творил „неудержимо“, „в разные времена жил, по разным странам скитался“ и который умел ценить жизнь.

Лирический герой высказывает горькие разочарования тем, что мир, в котором мы живём, немного умеет ценить, и что потомки обычно не берут в пример опыт своих предков. А ведь мирская слава преходящая, и всё, что теперь осталось от героев – это их бледные тени, бродящие в музеях.

Первая и последняя фразы („Долгое и Романов связаны по судьбе“ и „Бродят в стенах музеев героев бледные тени“) составляют композиционное кольцо, и ещё раз подчёркивают, что человеческая жизнь быстротечна и всё это наводит грусть о чём-то безвозвратно утерянном.

Тема стихотворения – малая родина, и идея – она навсегда остаётся с человеком. Лирический герой уверен, где бы человек ни находился, сколько бы ни менял своих обитаний места, у него всегда есть место, где он может быть спокоен и счастлив – это место, где он родился и вырос. Лирический герой дорожит Долгим, потому что оно „дорого сердцу“: молчание расскажет о красоте природы и о далёком безоблачном детстве. Дорог ему и Романов, потому что он „близок душе“, находящейся в познании истины, душе, которая здесь „творит неудержимо“.

Вместе с тем уже в четвёртой строфе лирический герой выражает горечь о том, что творения необыкновенно талантливой личности, служившей во благо людям и родине, не были оценены по достоинству, что потомки редко читают завещания своих предков, а в стенах музеев нынче бродят всего лишь „бледные тени“.

Динамику жизни лирического героя отражают глаголы („опереться“, „скитался“, „жил“, „остался“, „рушатся“, „ценят“, „бродят“). Они создают ощущение стремительности, мятежности духа, беспокойства. Первые глаголы „пронизан“, „опереться“ создают символическое ощущение надёжности, уверенности в незыблемости чувства патриотизма. „Скитался“ и „остался“ демонстрируют читателю извечную истину: всё возвращается на круги своя.

Таким образом, лирический герой, а вместе с ним и автор, предлагают читателю подумать о поиске истины, о том, что есть духовная ценность для человека, непостоянство мира, неизведанные тайны человеческой души и история Отечества.

Романов

*Как там было радостно – как здесь уныло стало!
Словно кто-то мир окутал тёмным покрывалом.
Времена меняются! И чувства иные!
Розы детства отцвели, тернии там ныне!
И смеюсь натужно я, и смеюсь неискренне,
И теперь чужая радость кажется мне выспренней.
Было всё другим совсем – помню дом старинный...
Среди леса, на ольхах гнёзда аистиные,
И свисали до земли елей чёрных лапы,
И казался мне их шум шёпотом монахов.
Я, бывало, там грустил... Та грусть молодая –
О! сейчас дороже мне, чем радость иная –
В ней надежды расцветали, как в бутоне розы,
Ныне тяжко на душе, я смеюсь сквозь слёзы...
/Дрезден/*

В стихотворении звучит обращение к последующим поколениям ценить своё наследие, которое в Брестско-Подляшском Пограничье принадлежит разным славянским народам и культурам, но имеет общую судьбу и ценность для мировой литературы.

Таким образом, проанализировав лишь отдельные фрагменты судьбы и переводов Ю. Крашевского, можно утверждать, что, несмотря на все сложности жизни, в равновесном состоянии в его судьбе и творчестве находилось „свое“, этническое, и „чужое“, поликультурное, которые чудесно гармонировали и обогащали друг друга. Это ещё раз свидетельствует об интеллектуальном и литературном здоровье „титана мысли“, о том, что талантливая личность, какой бы национальности ни была, всегда найдёт дорогу к своему читателю, потому что она принадлежит не только этносу, но и миру.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бобков 2005:** Бобков, И. *Этика пограничья: транскультурность как белорусский опыт*, „Перекрёстки“, пг 3–4, Минск, 2005.
- Гусева 2009а:** Гусева, Р. Н. (сост.), *К Крашевскому в Романов и Долгое. Стихи и проза*, Брест 2009.
- Гусева 2009б:** Гусева, Р. *К Крашевскому в Долгое*, в: *К Крашевскому в Романов и Долгое. Стихи и проза*, сост. Гусева, Р. Н., Брест 2009.
- Гусева 2010а:** Гусева, И. *На языке любви*, Брест 2010.
- Гусева 2010б:** Гусева, Р. *Третья попытка. Лирика. Переводы*, Брест 2010.
- Кохановский 1987:** Кохановский, Г. *Беларусь – яго калыска*, „Мастацтва Беларусі“, пг 12, 1987.
- Крашевский 2010:** Крашевский, Ю. И. *Дары пилигрима. Стихи*, пер. с польского И. Гусевой, Брест 2010, с. 91.
- Мальдис 2008:** Мальдис, А. *Гении не делятся*, „Советская Белоруссия“, 23.12.2008.
- Обрембский 1936:** Obrembski, J. *Problem etniczny Polesia*, „Sprawy narodowościowe“, пг 1–2, 1936, s. 2–21.
- Ступкевич 1966:** Stupkiewicz S., Śliwińska I., Roszkowska-Sykałowa W. (red.), *Józef Ignacy Kraszewski: zarys bibliograficzny*, Warszawa 1966.
- Трепинский 1975:** Trepiński. A. *Jozef Ignacy Kraszewski*, Warszawa 1975.